

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Степан Сергеевич Лифанов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
st.lifanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Лифанов С.С. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 78–93. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_78

Аннотация

Стратегия исторической памяти Западной Европы претерпела существенные изменения за последние несколько десятилетий, пройдя путь от признания собственной ответственности и вины за Холокост как центрального элемента исторической памяти западноевропейских либерально-демократических стран до поддержки и полного принятия политики памяти посткоммунистических стран, основанной на «оккупационной риторике», символизме и виктимизации восточноевропейских государств. В статье предпринимается попытка выявить некоторые специфические черты развития западноевропейской политики памяти как области символической политики, способствующей формированию наднациональной идентичности. Основными методами исследования стали анализ литературы по проблематике исследований политики памяти; сравнительный анализ; анализ медиаисточников; частично применялся исторический анализ. Научная новизна работы заключается в выделении специфических черт западноевропейского проекта исторической памяти, что стало возможным в результате анализа процесса его трансформации. На основании проведенного исследования автор делает ряд выводов. Во-первых, трансформация исторической памяти проходила под влиянием расширения

© Лифанов С.С., 2021

Европейского союза в 2004 и 2007 гг., когда национальные рамки исторической памяти восточноевропейских стран стали доминирующими на всем пространстве ЕС, постепенно вытесняя западноевропейскую модель исторической памяти. Во-вторых, наднациональная идентичность в западноевропейских странах могла опираться на изначальный вариант коллективной памяти, основанный на Холокосте, однако из-за неспособности охватить расширившийся Евросоюз коллективная память стала камнем преткновения в построении общеевропейской идентичности. В-третьих, наблюдается изменение характера и сущности исторической памяти, произошедшее в результате переноса политики памяти в пространство постправды, что обусловило акцент на символизме, эмоциональном окрашивании трактовок исторических событий и редуцировании истории до «нужного» уровня в противовес изначальному чувству коллективной ответственности и осознанию собственной вины, лежавшим в основе западноевропейской исторической памяти.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая память, Западная Европа, Восточная Европа, наднациональная идентичность, либерально-демократические государства, постправда.

UDC 32.019.51+327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_78

HISTORICAL MEMORY AND SUPRANATIONAL IDENTITY IN WESTERN EUROPEAN STATES

Stepan S. Lifanov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
st.lifanov@mail.ru

Article received on July 19, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Lifanov, S.S. (2021). Historical Memory and Supranational Identity in Western European States. *Discourse-P*, 18(4), 78–93. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_78

Abstract

The strategy of the historical memory of Western Europe has undergone significant changes over the past few decades, having gone the path from recognizing one's own responsibility and guilt for the Holocaust as a central element of the historical memory of Western European liberal democracies to supporting and fully adopting politics of memory of post-communist states, based on "occupation rhetoric", symbolism and victimiza-

tion of Eastern European states. The article attempts to identify some specific features of the development of the West European politics of memory as an area of symbolic policy that contributes to the formation of a supranational identity. The main research methods were the analysis of the literature on the politics of memory, comparative analysis, analysis of media sources; partly applied historical analysis. The scientific novelty of the article is in highlighting the specific features of the Western European project of historical memory, considered in its transformation. The author concludes that, firstly, the transformation of historical memory was influenced by the enlargement of the European Union in 2004 and 2007, when the national framework of historical memory of Eastern European countries became dominant throughout the EU, gradually replacing the Western European model of historical memory. Secondly, supranational identity in Western European liberal democracies could rely on the original version of collective memory based on the Holocaust, but as a result of its inability to encompass the entire expanded European Union, collective memory became a stumbling block in the construction of a pan-European identity. Thirdly, there is a change in the nature and essence of historical memory, that occurred due to the transfer of the politics of memory to the post-truth space, which led to an emphasis on symbolism, emotional coloring of interpretations of historical events and the reduction of history to the "right" level as opposed to the initial sense of collective responsibility and awareness of one's own guilt underlying Western European historical memory.

Keywords:

politics of memory, historical memory, Western Europe, Eastern Europe, supranational identity, liberal democracies, post-truth.

Введение

Разработки концепций памяти, монументальные труды П. Нора и его предшественника М. Хальбвакса, а также последовавшее за этим создание в 1989 г. журнала *History & Memory* обусловили возрастающий интерес к исследованиям политики памяти. В настоящее время существует большое количество публикаций в русле *memory studies*, авторы которых обращались к самым разным предметам, используя всевозможные подходы и методы (Feindt et al., 2014). Сама память является объектом исследования во многих научных дисциплинах и областях – нейробиологии, неврологии, когнитивной психологии, истории, педагогике, антропологии, когнитивной философии и т.д. При этом сходство между различными дисциплинами, исследующими память, к какой бы области знания они не принадлежали, заключается в разнообразии и неопределенности толкований изучаемого феномена. Количество связанных с памятью понятий в естественных и гуманитарных науках исчисляется сотнями (Tulving, 2007). Само проблемное поле и концептосфера исследований подвергаются критике, связанной в основном с неопределенностью центрального понятия «память» и отсутствием ясных критериев, позволяющих идентифицировать, что именно можно рассматривать в качестве предмета *memory studies* (Сафронова, 2018, с. 15).

Развитие концепта памяти берет свое начало с трудов Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, который на основе работ Дюркгейма обосновал социальную

обусловленность индивидуальной памяти. При всем многообразии исследований с точки зрения физиологии, социологии, политологии, психологии и других наук память всегда можно интерпретировать как способ конструирования людьми своего прошлого *в настоящем*. С одной стороны, она может изучаться как память – свидетельство людей, переживших некий опыт, например, выживших во времена Холокоста. С другой стороны, это понятие используют для анализа репрезентаций прошлого и его конструирования через медиаисточники – книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д. Дополняя точку зрения Ю. А. Сафроновой, следует отметить, что зачастую эти репрезентации и свидетельства искажаются временем, прошедшим с момента переживания какого-либо события, а результаты их интерпретации могут стать жертвами субъективизма в эпоху постправды и попросту меняться в результате смены политического, социального, экономического, исторического контекстов события.

Понятие «политика памяти» впервые было использовано во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов понимания истории (Русакова, 2015, с. 65). Главным разработчиком концепта является П. Нора, рассматривающий политику памяти сквозь призму «мест памяти», в которых воплощено единство духовного и материального, ставшее со временем (и по воле людей) значимым символическим элементом наследия национальной памяти общности. В рамках настоящей статьи предлагается использовать трактовку Д. В. Ефременко (2018), поскольку он подчеркивает обозначенную выше взаимосвязь, определяя политику памяти как *функционирующую систему взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого* (с. 110).

Внимание политологов традиционно сосредоточено на проблемах власти и доминирования: их интересует структура властных отношений, а также использование символических ресурсов для достижения различных политических целей – легитимации власти, конструирования идентичностей, мобилизации поддержки и т. д. При этом, по мнению О. Ю. Малиновой (2019), «политику памяти по праву можно считать одной из основных областей символической политики», что подтверждается словами П. Бурдьё о том, что для внедрения новых представлений о строении социальной реальности «самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего» (с. 290).

Следует отметить, что вопрос о конструировании национальной и наднациональной идентичности является важной составляющей политики памяти. В самом общем виде термином «идентичность» обозначают чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, тождественность с ее членами. Тогда национальная идентичность – это чувство сопринадлежности человека к определенному государству или нации, разделяемое с группой людей независимо от гражданства индивида¹. Исследователи утверждают, что нацио-

¹ Лихачева, А., Макаров, И. (2014). *Национальная идентичность и будущее России: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. Взято 15 мая 2021, с http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf

нальная идентичность в Европе первична для жителей государств Евросоюза во многом в связи с тем, что понятия «европейский» и «европеец» крайне размыты, а их сущность просматривается лишь приблизительно (Казаринова, 2016, с. 125). В этой связи наднациональная идентичность является вспомогательным, вторичным типом идентичности постольку, поскольку «на наднациональном уровне не удастся сформировать устойчивую рамку коллективной памяти» (Ефременко, 2018, с. 110). Сама по себе наднациональная идентичность также является коллективной идентичностью и складывается из множества факторов: религии, традиций, памяти, географии, материальных средств, восприятия времени, мифологии, общего прошлого и пр. Один из самых важных компонентов формирования такой идентичности – это общие представления о прошлом, общая память, общность в интерпретации истории. Поэтому формирование наднациональной идентичности любого макрополитического сообщества – это всегда спорный вопрос с точки зрения возможности его реализации.

Немаловажное значение имеет развитие политики памяти в государствах Восточной Европы и постсоветского пространства. После распада Советского Союза вслед за провозглашением независимости ряд республик (а именно страны восточноевропейского блока) стремился откеститься от социалистического прошлого, борьба с которым удивляла своей стремительностью и интенсивностью. Особое внимание было уделено нарративным стратегиям и трансформации институционального ландшафта политики памяти. Данная проблематика легла в основу коллективной монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы», вышедшей под редакцией А. И. Миллера и Д. В. Ефременко (2020).

Все вышесказанное позволяет обосновать актуальность данной темы, которую можно свести к нескольким основным положениям. Во-первых, исследования возможностей построения наднациональной идентичности в случае Европейского союза в настоящий момент занимают важное место в методологии изучения политики памяти, о чем свидетельствуют работы А. И. Миллера (2016), О. Ф. Русаковой (2017), Ю. А. Сафроновой (2018), Д. В. Ефременко (2018), А. В. Фелькера (2018) и др. Во-вторых, политика памяти в западноевропейских либерально-демократических государствах имеет собственные признаки и специфические черты, не только являющиеся одной из частей символической политики, которую проводят неолиберальные правительства в эпоху постправды, но и позволяющие отличить ее от политики памяти восточноевропейского блока государств, что представляет определенный исследовательский интерес в рамках изучения политики памяти как символической политики.

В связи с этим цель настоящей статьи – обозначить некоторые специфические черты развития западноевропейской политики памяти как области символической политики, способствующей формированию наднациональной идентичности.

Западноевропейская историческая память

В центре исследований политики памяти и вопроса о формировании коллективной идентичности лежит понятие исторической памяти. Профессор В. В. Нуркова оценила историческую память как «двухстороннюю психоло-

гическую структуру», включающую в себя «те события, которые случились в масштабе страны, целого мира или большой общности, но которые человек воспринимает как свои собственные»². Такой тип структуры определяется ее двойной направленностью: с одной стороны, эта память крайне важна для человека, она определяет его личность, заставляет принимать те или иные решения и побуждает к действию. С другой стороны, содержание исторической памяти человека крайне важно для социальных институтов, для общества в целом. Представляется, что такое понятие можно признать компромиссным и вполне соответствующим идеям М. Хальбвакса (2005), который утверждал, что индивидуальная память социально сконструирована, поскольку обращение к прошлому опосредовано теми рамками или ориентирами, которые окружают человека или социальную группу в настоящем.

Методологическая неопределенность относительно объекта *memory studies* не позволяет с уверенностью говорить об однозначности понятия исторической памяти для наиболее приемлемого обозначения основы идеологического проекта, который претендует на универсальность и доминирование в рамках одной социальной группы – будь то более мелкая (политическая элита) или крупная (нация) общность. Однако в рамках данной статьи предлагается рассуждать именно об исторической памяти в контексте политики памяти (согласно определению Д.В. Ефременко), поскольку данное понятие лучше всего демонстрирует взаимосвязь политического и исторического. Исторические элементы (не только факты, но и мифы) лежат в основе любой концепции политики памяти. Но политика, как справедливо утверждает О.Ю. Малинова (2019), работает не с прошлым, а с *социальными представлениями о прошлом*, формируя тот самый символический ресурс, с помощью которого можно достигать разные политические цели. В этой связи можно утверждать, что объектом символического насыщения, актуализации, а подчас и редуцирования до простейших форм, доступных для восприятия обществу, является именно историческая память.

В центре внимания западноевропейской исторической памяти традиционно находится тема Холокоста и преступлений нацистского режима, понимаемая как уникальная и масштабная европейская трагедия XX в., за которую несет ответственность не только нацистская Германия, но также население оккупированных территорий. Холокост стал нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX столетия.

Так продолжалось вплоть до начала XXI в. С расширением Европейского союза в 2004 и 2007 гг. и вхождением в него большинства стран Восточной Европы в относительно единой европейской исторической памяти появились предпосылки для внутреннего противостояния. Коммеморация Холокоста была негласным требованием к новым членам Евросоюза – бывшим социалистическим республикам, что не нашло поддержки у политических элит данных государств. А. Ассман (2014) утверждает, что в странах Восточной Европы уже на момент вступления в Европейский союз существовала своя историческая память, сфокусированная на идеологическом проекте «двойных жертв», который был искусственно сформирован вокруг коммунистического прошлого

² Нуркова, В. (2018, 9 августа). *Индивидуальная историческая память*. Взято 15 мая 2021, с <https://youtu.be/9itJkOJtb4>

этих стран, с одной стороны, и попыток союзничества с нацистской Германией, с другой. Противостояние в идеологически-концептуальном пространстве политики памяти было также обусловлено стремлением посткоммунистических стран получить признание со стороны западноевропейских «старожилов» в качестве равноправных партнеров и избавиться от роли ведомых в формировании общеевропейской политики.

Вершиной силы западноевропейской исторической памяти, основанной на коммеморации Холокоста, является резолюция Европейского парламента от 27 января 2005 г., ставшая каркасом для формирования наднациональной рамки исторической памяти³. В этом документе Холокост признавался «уникальной исторической референтной точкой, которая навсегда останется в памяти народов Европы». Ее принятие во многом обусловлено нарастающей мощью политики памяти новых членов ЕС, которая почти сразу же начала борьбу за господство в идеологическом пространстве. Примечательно, что резолюция 2005 г. не содержала упоминания о коммунизме, сталинизме, советском тоталитаризме. Данный документ, при всей его морально-этической значимости, являлся политическим продуктом и частью политики памяти, проводимой западноевропейскими государствами.

Однако уже через четыре года ситуация резко изменилась: Европейский парламент принимает новый документ, касающийся интерпретации исторических событий. Резолюция от 2 апреля 2009 г.⁴ посвящена памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов и содержит в себе в большей степени дань восточноевропейской политике памяти и призыв к установлению знака если не равенства, то тождества между коммунизмом (сталинизмом) и нацизмом. Принятие этой резолюции и установление памятной даты – 23 августа (День памяти жертв сталинизма и нацизма) – являются свидетельством поражения западноевропейского идеологического проекта в рамках политики памяти, основанного на признании трагедии Холокоста и ответственности за него. Одновременно с этим произошел надлом едва начавшей свое формирование наднациональной рамки коллективной памяти, поскольку, помимо прочего, резолюция от 2009 г. стала весомым вкладом в возобновившееся геополитическое противостояние России и Запада, триггером которого выступила программа ЕС «Восточное партнерство» (Ефременко, 2018, с. 121). Тем самым историческая память стала в большей мере орудием борьбы в геополитическом идеологическом пространстве, нежели инструментом формирования наднациональной рамки коллективной памяти.

Однако политико-правовая индоктринация исторической памяти не является новеллой XXI в. для стран Западной Европы. В каждой из них существует определенная теоретическая база для дискурса политики памяти, а следовательно, и своя идеологическая стратегия в данной сфере (Русакова, 2015, с. 65).

³ *European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism* (2005, January 27). Retrieved June 19, 2021, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html

⁴ *European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism* (2009, April 2). Retrieved June 19, 2021, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html

Главным институтом в этой сфере является учреждение, занимающееся исследованием проблем памяти, исторических событий и т. д. Во Франции, например, таким учреждением является Институт современной истории, который с 1980 г. стал организовывать публичные историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков, которые имели большое значение для исторического просвещения нации и для культуры памяти в стране. Однако в восточноевропейских странах практика создания подобных учреждений более распространена. Можно вспомнить об Институте национальной памяти в Польше, Украинском институте национальной памяти, Институте по расследованию коммунистических преступлений в Румынии и других подобных учреждениях, главными целями которых являются декоммунизация и поиск доказательств преступлений и репрессий, совершенных советским правительством в XX в. Еще более распространенным вариантом попытки установления монополии на трактовку исторических событий является принятие так называемых «законов памяти», на которые отреагировало западноевропейское сообщество историков знаменитым «Воззванием из Блуа», в котором они призывали не делать историю «служанкой политической конъюнктуры» (Миллер, 2016, с. 114).

Все это дает основания для оценки специфики западноевропейского проекта исторической памяти, ядром которого является факт признания Холокоста и ответственности за него. Его особенности сводятся к некоторым основным положениям. Во-первых, изначально историческая память, сформированная в западноевропейских либерально-демократических странах, была призвана стать фактором консолидации стран-членов Евросоюза и сформировать наднациональную рамку коллективной памяти для укрепления наднациональной идентичности и развития проекта евроинтеграции. Однако в дальнейшем лейтмотив Холокоста утратил свою силу, превратившись в программу поддержки памяти об «ужасном тоталитарном прошлом» Европы. Во-вторых, как во время расцвета, так и во время спада западноевропейская версия исторической памяти, как и любая другая, используемая прежде всего в политических целях, подверглась серьезному редуцированию и эмоциональному окрашиванию. На передний план выходили эмоции, призванные пробудить в обществе чувство трагедии, неприязни к любым «недемократическим режимам». Вместе с этим развивалась геополитическая борьба с Россией, строившей собственную политику памяти, что выражалось главным образом в противостоянии в информационном пространстве, подчеркивании недемократичности политических процессов в России, имперских амбиций В.В. Путина, нарушений прав и свобод человека, что указывает на внешнеполитическую направленность западноевропейской (а также общеевропейской) рамки исторической памяти.

Западноевропейская политика памяти в эпоху постправды

В рамках политического менеджмента перед исследованиями политики памяти может ставиться предельно прагматичный и конкретный интерес (скрытая цель) – сформировать дискурс идентичности, одной из основных ценностей которого является политика памяти. Данный дискурс используется в идеологической стратегии государства, а также является значимой частью его информационной политики. Ядро этого дискурса – пережитый опыт, значимые для той или иной

страны исторические события, а его оболочка или периферия (то, что видно и доступно остальным) – это результаты исследований, трактовок, интерпретаций данных событий, которые не обязательно соответствуют историческим фактам, но всегда транслируют определенный месседж не только нации, но и другим государствам. Поэтому он может использоваться для регулирования или разжигания конфликтов, являться инструментом геополитической борьбы за умы и сознание общества. Так, например, в государствах Балтии дискурс политики памяти выполняет функцию переосмысления советского прошлого с позиции ответственности СССР и России как его преемницы за преступления тоталитарного режима (Траба, 2009). Широкое распространение получила так называемая «оккупационная риторика», направленная на выявление и публичное осуждение советских преступлений против человечества (Русакова, 2015, с. 67) и представляющая современную Россию в резко негативном свете как правопреемницу СССР. За последние годы можно заметить последовательное конструирование образа «двойных жертв» стран Восточной Европы как пострадавших больше от советского коммунизма, чем от немецкого нацизма. Однако если за страдания от нацизма на современные европейские державы, воспитавшие и спустившие его с цепи, ответственность со стороны «жертв» не возлагается вовсе, то в случае с коммунизмом к ответу за действия СССР раз за разом пытаются привлечь Россию⁵.

Особый интерес представляет информационное поле, в котором происходят события, обозначенные А. И. Миллером как «войны памяти»⁶, поскольку идеологический проект, основанный на исторической памяти, транслируется в массы через различные каналы информации с использованием медиатехнологий XXI в. Главная характеристика данного информационного поля – это активное использование символов и образов, постфактов, опора в большей степени на эмоциональное насыщение месседжа, а не на фактическое его содержание. Иными словами, историческая память конструируется в мире постправды, где «эмоции замещают факты, а фейки – новости» (Чугров, 2017, с. 42). Это отчасти объясняет поразительный успех политики самовиктимизации стран Восточной, а вслед за ней и Западной Европы: трагический опыт Второй мировой войны еще долго будет будоражить умы и сердца людей (не без помощи литературы, кинематографа, истории и историографии, индустрии игр), а отсутствие консенсуса по признанию ее хронологии способствует развитию ревизионистских настроений. Поэтому яркие образы «империи зла», коммунистической машины, превращающей людей в рабов системы, заставляют общество содрогаться и вместе с тем служат восточноевропейским государствам хорошую службу, давая возможность постоянно напоминать своим соседям о том, кто на самом деле является жертвой, а кто – должником.

Тем самым концепция исторической памяти, сформулированная в Восточной Европе и завоевавшая доминирующие позиции во всем Евросоюзе,

⁵ *Kremlin rewriting World War II history* (2019, August 13). Retrieved June 19, 2021, from <https://www.washingtontimes.com/news/2019/aug/13/whitewashing-culpability/>

⁶ Миллер, А. И. (2020, 5 марта). *Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности*. Взято 24 июня 2021, с https://carnegie.ru/commentary/81207?fbclid=IwAR3r9QIvIZ5TRPwZxk-k_qHJ0Vg4cfhSz9p5mx2Lj8_bkwKQ8gZvCQ2OuJ4

становится полностью политизированной и утратившей любую академическую значимость: «когда «Северный поток» называют новым пактом Молотова-Риббентропа, а Путина – Гитлером XXI в., это девальвирует нашу память, парализует способность к содержательной политической дискуссии, становясь мощным инструментом пропаганды и индоктринации» (Миллер, 2016, с. 119). Политика памяти становится инструментом геополитической борьбы, и в мире постправды начинается очередная война дискурсов, цель которой – монопольное право на формирование общественного мнения. Интеллектуальное насыщение этих дискурсов вторично, поскольку все исторические «факты» прежде всего являются выгодными интерпретациями событий прошлого: на переднем плане находится подписание пакта Молотова-Риббентропа, подмена понятий (Великая Отечественная война – акт агрессии со стороны СССР, освобождение Европы от нацизма – коммунистическая оккупация стран Европы и др.) и т. д.⁷

Провал проекта наднациональной идентичности Евросоюза

Очевидно, что в таких условиях проект глобальной (в масштабах Европы) идентичности, изначально построенный на наднациональной рамке исторической памяти западноевропейских государств, будет обречен на провал. Хотя у него и были перспективы: проект европейской интеграции считался самым успешным (и был действительно уникальным, как минимум, по масштабу), а сам Евросоюз наращивал свое экономическое и политическое влияние. А. И. Миллер (2016) отмечает, что «отчасти «старые» страны ЕС смогли достичь этого консенсуса потому, что последние десятилетия XX в. были для них весьма успешными в экономическом и политическом плане. В условиях, когда будущее казалось безоблачным, а глобальная лидерская роль Евросоюза – неоспоримой, европейцам было легче признать необходимость покаяния за прошлые грехи» (с. 112).

Однако последовавшее расширение Евросоюза и провал проекта Конституции ЕС стали поворотной точкой в развитии проекта формирования наднациональной идентичности и вынудили структуры ЕС возобновить работу над формированием единой рамки исторической памяти как основы для всеобщей европейской идентичности в удвоенном темпе. Но принятые впоследствии резолюции, которые были упомянуты ранее, продемонстрировали провал западноевропейской линии исторической памяти. Дальнейшие политические (Brexit, каталонский сепаратизм), экономические (греческий долговой кризис 2008 г.), социальные (миграционные проблемы, пандемия коронавируса) кризисы лишь усугубили ситуацию и поставили вопрос о принципиальной возможности сформировать наднациональную рамку идентичности на основе общей линии исторической памяти. Безусловно, вначале казалось, что для народов, не объединенных языковой, национальной и государственной общностью, историческая память может быть едва ли не единственной основой для формирования консолидирующего нарратива – стержня обновленного и сильного Европейского

⁷ *EU is just like the communists, says Poland* (2020, November 20). Retrieved June 24, 2021, from <https://www.thetimes.co.uk/article/eu-is-just-like-the-communists-says-poland-sc72prc70>

союза. Однако в настоящее время мы видим, что и этот проект отдан на откуп политикам-еврократам, поддерживавшим посткоммунистические государства и их повестку, а также подвергнут значительным структурным изменениям, преобразовавшим его в инструмент манипулирования и средство борьбы в геополитическом пространстве⁸. Западноевропейская модель исторической памяти была в большей степени основана на признании собственной ответственности, а поглотившая ее восточноевропейская – на перекладывании ответственности и сознательной виктимизации посткоммунистических стран.

Препятствием формированию наднациональной идентичности на основе западного проекта исторической памяти служило также и непримиримое нежелание стран Восточной Европы, вошедших в состав ЕС, к сотрудничеству и партнерству с Россией. Описываемая ранее модель исторической памяти, основанная на политике признания данных государств как «двойных жертв», была в той или иной степени сформирована ими в границах национальной памяти еще до вступления в Европейский союз. После евроинтеграции усилия по предотвращению подписания новых соглашений с Россией и налаживания невыгодного для восточноевропейских государств взаимодействия с ней возобновились с новой силой. Немаловажную роль в этом сыграла политика памяти. Нельзя упустить из внимания то, что само вступление в ЕС и стремление закрепитесь в нем на равном уровне с западноевропейскими государствами, было важным направлением внешней политики стран Балтии. Поэтому разговоры о коммунизме как исключительно о внешней угрозе, борьба с символами социалистического прошлого (памятники советским солдатам, процессы декоммунизации на институциональном уровне и др.) выполняли вторичную цель – демонстрацию полной переориентации на европейские ценности и стандарты, отказа от причастности к социалистическому прошлому в пользу прогрессивного демократического будущего западного образца и признания европейского пути развития как единственно приемлемого для государства. Казалось бы, на этой основе можно возобновить работу по созданию глобального проекта формирования наднациональной идентичности, однако политический по своей сути он не мог основываться на общности истории и культуры, поскольку «общие история и культура не являются основными детерминантами политической идентичности» (Ефременко, 2018, с. 120).

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть важные отличительные черты западной исторической памяти. Во-первых, данный проект действительно мог стать основой наднациональной идентичности, поскольку признание взаимной и общей ответственности за прошлое, в какой-то степени, является той самой наднациональной рамкой исторической памяти, в перспективе формирующей наднациональную идентичность. В то же время влияние исторической памяти восточноевропейских стран было в большей степени обусловлено национальными версиями исторической памяти, которые отличались друг от друга. Во-вторых, данный проект мог оказаться (и оказался) уязвим к внутренним противоречиям и внешним вызовам. Его неустойчивость обусловлена

⁸ Steele, J. (2009, August 19). *History is much too important to be left to politicians*. Retrieved June 25, 2021, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/aug/19/eu-parliament-soviet-nazi-history>

также весьма значимой сложностью создания проекта подобного масштаба для столь разных общностей. Западноевропейская модель исторической памяти не выстояла в меняющихся геополитических условиях (прежде всего в информационном пространстве) и ввиду тесной взаимосвязи с успешностью проекта евроинтеграции, а также с развитием противостояния с Россией уступила доминирующее место восточноевропейской модели, с которой «элиты ведущих западноевропейских стран по разным причинам не считали нужным вступать в жесткую конфронтацию» (Миллер, 2016, с. 117).

Заключение

Характеризуя специфику политических исследований политики памяти, можно отметить несколько важных особенностей. Во-первых, значительная часть современного дискурса политики памяти сфокусирована на конкретных исторических событиях, касающихся хода и итогов Второй мировой войны, последующих конфликтов, действий СССР в послевоенное время. С одной стороны, это лишь верхушка айсберга, которая скрывает огромную исследовательскую работу, проводимую в каждой стране схожими по направлению научно-исследовательскими центрами. С другой – это та часть дискурса, которая содержит элементы популизма и транслируется в массы, претендуя на индоктринацию единственно «верной», «уникальной», «правдивой» трактовки событий прошлых лет, способствующей созданию консолидирующего исторического нарратива – фундамента национального самосознания. Во-вторых, как отмечает Д. В. Ефременко (2018), «основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутренних сил, направленные на утверждение той или иной трактовки истории» (с. 111). Вместе с тем, помимо внутренних сил, на процесс взаимодействия относительно прошлого воздействуют и внешние силы, существенно меняющие содержание и направленность политики памяти в той или иной стране. Поэтому сегодня политика памяти все чаще становится предметом межгосударственных интеракций с участием и наднациональных структур. В-третьих, внутренняя сущность политики памяти составляет сложную систему взаимодействий и коммуникаций, цель которой не сводится лишь к конструированию национальной идентичности. В основе этого могут лежать частные или корпоративные интересы, выраженные в задачах укрепления конкретного социально-политического порядка или, напротив, его подрыва.

Анализ исследований, посвященных политике памяти, показал, что западноевропейская модель исторической памяти существенно отличается от восточноевропейской. Эти различия обусловлены разными устремлениями субъектов политики памяти (правлящих политических кругов Евросоюза и отдельных стран): в случае с западноевропейской моделью исторической памяти речь шла о попытке создания наднациональной рамки общеевропейской идентичности с целью консолидации европейского сообщества и создания монополии на толкование истории. Нельзя не заметить избирательный характер данной модели, который, впрочем, обусловлен обращением в не столь далекое прошлое, а потому вызывающим более сильный отклик в умах и сознании европейского общества. Холокост стал стержнем западноевропейской модели исторической

памяти во многом по той причине, что эта тема находила сильный отклик среди населения, о чем свидетельствует принятие ряда законов, запрещающих отрицать, умалять или каким-либо способом низводить масштаб Холокоста и его значение. Х. Дилонг в комментарии *Deutsche Welle* отмечал, что общественное мнение в стране относительно Холокоста «не расходится с выводами историков», однако «официальный «день памяти жертв Холокоста», который стал уже интернациональным, не утратит своего значения только при условии, что он не превратится в ритуал»⁹.

Вместе с тем к специфическим чертам развития западноевропейской исторической памяти можно отнести следующие:

1) центральная роль Холокоста и формирования чувства коллективной ответственности за прошлое;

2) постепенное ослабление западноевропейской исторической памяти и произошедший в дальнейшем синтез двух моделей памяти с явным доминированием восточноевропейской линии «двойных жертв»;

3) трансформация цели, средств ее достижения, а также самой сущности исторической памяти – формирование на ее основе идеологического проекта, назначение которого – обеспечить геополитическое превосходство Европы в информационном пространстве;

4) полное превращение исторической памяти Западной Европы в часть дискурса, конструируемого в информационном пространстве постправды с использованием новейших манипулятивных технологий и опоры на эмоциональное воздействие, а не на фактическое и интеллектуальное наполнение.

Таким образом, построение наднациональной идентичности с опорой на рамку исторической памяти, сформированной в Западной Европе, в настоящее время представляется маловероятным для реализации. Причиной тому является слияние двух разных политик памяти в один идеологический проект, ставший одним из множества неолиберальных мифов, продвигаемых европейским истеблишментом в качестве неоспоримых фактов и признаваемых в качестве главных ценностей. Связь новой рамки исторической памяти и неолиберальной идеологической экспансии можно увидеть, например, в тезисе о том, что невозможно по-настоящему высоко оценить значимость и ценности демократии, не изучая историю тоталитаризма, жертвой которого стала Европа XX столетия. Этот тезис наиболее ярко находит свое отражение в резолюции Европарламента 2009 г., где звучат призывы усилить образовательную и просветительскую деятельность об этом периоде для всех граждан европейских стран.

В настоящее время «войны памяти» наиболее ярко можно проиллюстрировать на примере статьи В. В. Путина (2020), опубликованной в журнале *National Interest*, которая вызвала бурную реакцию прежде всего в Польше¹⁰ спустя несколько дней после ее публикации. Естественно, статья была подвергнута

⁹ Комментарий: *Историческая память и гражданское мужество* (2007, 27 января). Взято 25 июня 2020, с <https://p.dw.com/p/9ltF>

¹⁰ *Poland says Putin falsifies history to weaken Western allies* (2020, June 19). Retrieved June 25, 2021, from https://www.washingtonpost.com/politics/poland-says-putin-falsifies-history-to-weaken-western-allies/2020/06/19/a0e7d09e-b255-11ea-98b5-279a6479a1e4_story.html

критике в СМИ, поскольку ее содержание прямо противоречит политике памяти Европейского союза, и конкретно национальной политике памяти Польши, изо всех сил продолжающей цепляться за образ «двойной жертвы», который по большому счету не соответствует действительности (Русакова, Русаков, 2016, с. 13).

Все это говорит о том, что проект наднациональной идентичности в Европейском союзе, основанный на политике памяти, пока что, как минимум, отложен в долгий ящик, и дальнейшая его судьба представляется печальной. В настоящее время историческая память полностью политизирована и используется в качестве средства для обеспечения превосходства в «войнах памяти».

Список литературы

1. Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ефременко, Д.В. (2018). Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр.* (с. 110–126). М.; СПб.: Нестор-История.
3. Казаринова, Д.Б. (2016). Наднациональная идентичность и ценностный дискурс в процессе регионального интеграционного строительства. *Вестник российской нации*, (1), 124–138.
4. Малинова, О.Ю. (2019). Политика памяти как область символической политики. *Метод*, (9), 285–312.
5. Миллер, А.И. (2016). Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. *Полития*, (1), 111–121.
6. Миллер, А.И., Ефременко, Д.В. (Ред.). (2020). *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
7. Русакова, О.Ф. (Ред.) (2015). *Softpower: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи».
8. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016). Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч.1. *Дискурс-Пи*, (1), 10–17.
9. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). Политика исторической памяти и Великая Отечественная война. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*, (1), 34–39.
10. Сафронова, Ю.А. (2018). Третья волна Memory Studies: двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*, (3), 12–27.
11. Траба, Р. (2009). Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et Contra*, 13(3–4), 43–64.
12. Фелькер, А.В. (2018). «Непростое наследие»: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр.* (с. 93–109). М.; СПб.: Нестор-История.
13. Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, (2–3), 8–27.
14. Чугров, С.В. (2017). Post-Truth: трансформация политической

реальности или саморазрушение либеральной демократии? *Полис*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

15. Feindt, G., Krawatzek, F., Mehler, D., Pestel, F., & Trimcev, R. (2014). Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*, 53(1), 24–44. <https://doi.org/10.1111/hith.10693>

16. Tulving, E. (2007). Are there 256 different kinds of memory? In J. S. Nairne (Ed.), *The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger* (pp. 39–52). N.Y.: Psychology Press.

17. Vladimir Putin: *The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II* (2020, June 18). Retrieved June 20, 2021, from <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>

References

1. Assman, A. (2014). *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Chugrov, S.V. (2017). Post-Truth: transformacija politicheskoj real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? [Post-truth: Transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *Polis*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

3. Efremenko, D.V. (2018). Istoricheskaja pamjat' i nadnacional'naja identichnost'. Sluchaj Evropejskogo sojuza [Historical memory and supranational identity. European Union case]. In A.I. Miller, D.V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* (pp. 110–126). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

4. Feindt, G., Krawatzek, F., Mehler, D., Pestel, F., & Trimcev, R. (2014). Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*, 53(1), 24–44. <https://doi.org/10.1111/hith.10693>

5. Felker, A.V. (2018). «Neprostoje nasledie»: Problematika mest pamjati o massovom nasilii Zapadnoj i Vostochnoj Evropy [“An uneasy legacy”: The problems of places of memory about mass violence in Western and Eastern Europe]. In A.I. Miller, D.V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* (pp. 93–109). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

6. Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2–3), 8–27.

7. Kazarinova, D.B. (2016). Nadnacional'naja identichnost' i cennostnyj diskurs v processe regional'nogo integracionnogo stroitel'stva [Supranational identity and value discourse in the process of regional integration construction]. *Vestnik rossijskoj nacii*, (1), 124–138.

8. Malinova, O. Yu. (2019). Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoj politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. *Metod*, (9), 285–312.

9. Miller, A.I. (2016). Politika pamjati v postkommunisticheskoj Evrope i ee vozdejstvie na evropejskuju kul'turu pamjati [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory]. *Politija*, (1), 111–121.

10. Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (Eds.). (2020). *Politika pamjati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

11. Rusakova, O.F. (Ed.) (2015). *Soft power: teorija, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Publishing house «Discourse-Pi».

12. Rusakova, O.F., Rusakov, V.M. (2016). Velikaja Otechestvennaja vojna i politika istoricheskoj pamjati. Chast' I [The Great Patriotic War and politics of historical memory. Part I]. *Diskurs-Pi*, (1), 10–17.

13. Rusakova, O.F., Rusakov, V.M. (2017). Politika istoricheskoj pamjati i Velikaja Otechestvennaja vojna [Politics of historical memory and the Great Patriotic War]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*, (1), 34–39.

14. Safronova, Ju.A. (2018). Tret'ja volna Memory Studies: dvadcat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years]. *Politicheskaja nauka*, (3), 12–27.

15. Traba, R. (2009). Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century]. *Pro et Contra*, 13(3–4), 43–64.

16. Tulving, E. (2007). Are there 256 different kinds of memory? In J. S. Nairne (Ed.), *The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger* (pp. 39–52). New York: Psychology Press.

17. Vladimir Putin: *The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II* (2020, June 18). Retrieved June 20, 2021, from <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>

Информация об авторе

Степан Сергеевич Лифанов, магистр политологии, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: st.lifanov@mail.ru

Information about the author

Stepan Sergeevich Lifanov, Master of Political Science, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: st.lifanov@mail.ru